

Глава тридцатая

Забота о юной дочери: отъезд в столицу

Влажные от ночного дождя листья блестели в лучах раннего солнца. Ливень, бушевавший до самого рассвета, наконец утих. Сквозь остатки дремы Линь Хаю почудился тихий шепот над ухом. Кое-как разомкнув тяжелые веки, он обнаружил перед самым своим лицом чужую, слишком близкую улыбку. Ноющая ломота и слабость во всем теле красноречиво напоминали о безумствах минувшей ночи.

Сжав зубы, Линь Хай преодолел боль в пояснице и оттолкнул Сыту Жуя, силясь подняться с постели. Разумеется, это случалось между ними не впервые, но, видит бог, Линь Хай никогда не отличался чрезмерной сладострастностью, да и предавались они подобным утехам нечасто. К тому же он до смерти боялся, как бы о его тайной связи не прознала Юй-эр, а потому обычно вел себя вдвойне осторожно. Но прошлой ночью этот несносный человек умудрился зажать его в угол, поймав на какой-то глупой оплошности, и пришлось безропотно сносить его ласки до самого утра.

— Да вставай же ты наконец! — раздосадованно прикрикнул он на мужчину, который и не думал выбираться из-под одеяла. — Возвращайся к себе, живо! Если Юй-эр придет с утренним поклоном и застанет тебя здесь, что я ей скажу?

Сыту Жуй лишь тихо рассмеялся, любуясь редким, непривычно растрепанным и оттого еще более пленительным видом своего возлюбленного, возводящего очи к небу.

— Скажем просто: вели важную беседу при свечах до самого рассвета, — лениво протянул князь, сладко потягиваясь на шелковых простынях. — Жухай, ты слишком осторожничаешь. Юй-эр еще совсем дитя, разве придут ей в голову такие мысли? Порой я ловлю себя на желании, чтобы она поскорее выросла. Тогда мы смогли бы во всем ей признаться. А то сколько мне еще томиться в этом двусмысленном положении тайного супруга?

Услышав этот шутливый вздох, Линь Хай сердито усмехнулся:

— Коли признаешь себя женошкой, так потрудись исполнять свои обязанности, Ваше Высочество!

Сыту Жуй восхищенно вскинул брови. Похоже, Жухай и впрямь не на шутку разошелся, раз расщедрился на столь соблазнительное предложение. Вмиг отбросив лень, князь соскочил с кровати, бережно подхватил приготовленные одежды и принялся помогать Линь Хаю одеваться.

Линь Хай мгновенно пожалел о содеянном — совсем голова кругом пошла от злости на этого негодяя! Он поспешно вырвал шелковые одеяния из рук любовника и отвернулся, наотрез отказавшись от помощи. Сыту Жую оставалось лишь разочарованно вздохнуть, сокрушаясь об

упущенной забаве.

По счастью, они успели закончить утренний туалет как раз к приходу Дайюй. Девочка прекрасно знала, как близки ее отец и дядя Жуй, но даже представить себе не могла, что дружба их простирается до совместного ночлега. Заметив дядю в покоях отца столь ранним утром, она невольно удивилась.

Сыту Жуй, отличавшийся завидным бесстыдством, и бровью не повел. Линь Хаю же пришлось неловко кашлянуть, скрывая смущение, и поспешно перевести разговор на другое:

— Юй-эр, приближается день рождения твоей почтенной бабушки. Прежде она не раз присылала за тобой слуг, но я всякий раз отвечал отказом. Теперь же, когда срок твоего траура по матушке подошел к концу, нам более не пристало отклонять ее приглашения.

Слова отца отозвались в душе Дайюй громом среди ясного неба. Отец... отсылает ее прочь?

Глядя на притихшую, понурившую голову девочку, Сыту Жуй заговорил первым:

— Жухай, с какой стати отправлять Юй-эр туда? Я против. Если ты завален делами службы, пусть девочка поживет у меня.

Князь мгновенно понял, что замышляет Линь Хай — в Янчжоу пахло грозой, и тот попытался уберечь дочь от неминуемой беды. Но даже понимая это, Сыту Жуй не желал мириться с ее отъездом.

Дайюй, не поднимая глаз, тихо, но непреклонно произнесла:

— Юй-эр не хочет расставаться с отцом.

Глядя на этих двоих, сплотившихся против него единым фронтом, Линь Хай почувствовал, как у него разболелась голова. Наградив выразительным взглядом не вовремя влезшего князя, он мягко коснулся плеча дочери:

— Дитя мое, ты не так все поняла. Это лишь поездка на празднование юбилея твоей бабушки. Ты должна выразить ей почтение, исполнив долг сыновней почтительности за свою покойную матушку. Пройдет пара-тройка месяцев, и отец пришлет за тобой надежных людей, чтобы забрать домой.

Услышав это, Дайюй немного успокоилась. Идея поездки по-прежнему не радовала ее, но перечить воле отца она больше не могла. К семейству Цзя девочка никогда не питала теплых чувств: в последние годы их общение ограничивалось сухими праздничными подношениями. Родственные узы поддерживались лишь ради приличия, без былой душевности.

И все же Матушка Цзя оставалась ее родной бабушкой, и отказать пожилому человеку в такой день было бы верхом непочтительности.

Сыту Жуй открыл было рот, намереваясь продолжить спор, но, натолкнувшись на тяжелый взгляд Линь Хая, благоразумно промолчал. Впрочем, сдаваться он не собирался. Поместье Жунго давно пользовалось дурной славой. Прежде князь не совал нос в их дела, но за последние два года успел собрать достаточно сведений. Отослать свою ненаглядную Юй-эр в это змеиное гнездо? Нет уж, увольте.

Поскольку решение было принято бесповоротно, Линь Хай без промедления велел слугам заняться сборами. Известие о скором отъезде барышни опечалило все поместье, но спорить с непреклонной волей хозяина никто не дерзнул.

Раз уж дело было решено, Сыту Жуй пошел на хитрость: коли Дайюй едет в столицу, то и Первому принцу Сыту Юю вместе с Шестым принцем Сыту Цзинем пора возвращаться. Предлог отыскался без труда: на юге становилось беспокойно, и возвращение императорских сыновей под крыло отца выглядело вполне естественным шагом, к которому у государя не возникло бы вопросов. К тому же, если бесшабашный Сыту Цзинь пользы принести не мог, то рассудительный Сыту Юй уже вошел в те лета, когда вполне мог стать надежной опорой для их названной сестры в далеком путешествии.

Сыту Юй отлично понимал, что над Янчжоу сгущаются тучи, и сам тайно готовил почву для отъезда в столицу. Однако то, каким именно образом его планы воплотились в жизнь, вызвало у него лишь горькую усмешку.

Сыту Цзиню же было ровным счетом все равно. Хоть его и удивило поспешное возвращение задолго до Нового года, возможность пораньше увидеться с матушкой-императрицей его искренне радовала. К тому же с ними ехала любимая сестренка Дайюй.

Сборы в столь дальний путь — дело не одного дня. Линь Хай первым делом отправил гонца с письмом в столицу, а все заботы по снаряжению каравана взял на себя, избавив Дайюй от лишних хлопот.

Матушка Линь и Матушка Чжан долго держали совет. Приставленные к молодой барышне наставницы по этикету знали свое дело превосходно, но все же оставались для семьи Линь пришлыми людьми. Матушка Чжан, когда-то вошедшая в дом Линь вместе с покойной госпожой Цзя Минь, знала столичных родственников и их нравы куда лучше, а потому ее кандидатура для сопровождения барышни даже не обсуждалась. Со служанками вопрос решился быстрее — спор шел лишь о том, сколько именно душ отправить в поездку.

Поразмыслив, матушки решили, что полагаться на чужих слуг в таком деликатном деле, как покой барышни, негоже. Ее должны окружать проверенные люди. Порешили взять четырех старших служанок, четырех средних, да из младших прислушниц отобрали еще четырех, самых расторопных и смысленых. Свиту снарядили богатую, комар носа не подточит.

Узнав о сборах, деятельный Сыту Цзинь не преминул вмешаться. Он с важным видом прохаживался по покоям, тыча пальцем то в одну, то в другую вещь из тех, что любила Дайюй, и велел паковать все подряд, пугаясь, как бы сестрица не заскучала на чужбине. Дайюй беззлобно подшучивала над его чрезмерным рвением.

Пожилые матушки посмеялись над суетой молодого принца, но слова его крепко запомнили. Хоть господин и уверял, что поездка займет от силы пару месяцев, следовало предусмотреть любую случайность. К тому же, глядя на те ежегодные праздничные подношения, что присылали из поместья Жунго, трудно было поверить в их безграничную щедрость. Дабы их барышня не знала нужды и не терпела косых взглядов столичной родни, матушки решили собрать все необходимое сполна.

Когда окончательный список прислуги и вещей лег на стол Линь Хаю, тот невольно округлил глаза от изумления:

— Не слишком ли это расточительно? Не привлечем ли мы ненужное внимание?

Сыту Жуй, бросив взгляд на свиток, недовольно хмыкнул:

— Полно тебе, Жухай! Разве знатым барышням пристало путешествовать налегке? Поедет с малой свитой — только курам на смех. В поместье Жунго любят пустить пыль в глаза, там у любого барчука в покоях вьется больше девок, чем у нашей Юй-эр во всем списке. Я бы, напротив, добавил еще людей.

Видя, как князь печется о девочке, точно о родной дочери, Линь Хай лишь качнул головой и не стал спорить. Он призвал Матушку Чжан и Матушку Лю, велел им снаряжать обоз на свое усмотрение — лишь бы Дайюй ни в чем не нуждалась. Рассудив, что людей в дорогу отправляется немало, Линь Хай велел Матушке Линь выдать служанкам жалованье за полгода вперед, а Матушке Чжан строго-настрого наказал оплачивать любые столичные расходы из личного кошелька барышни, дабы у спесивой родни из дома Цзя не нашлось повода упрекнуть их в нахлебничестве.

После пяти дней суматохи сборы наконец завершились. Сундуки с пожитками и многочисленные короба с подношениями заняли добрую половину трюма огромного речного судна. Выбрав благоприятный день, Дайюй вместе с Сыту Юем и Сыту Цзинем со слезами на глазах покинула родной Янчжоу.

Дайюй не решилась напрямую спросить отца о причинах спешного отъезда, но сердцем чуяла — дело вовсе не в юбилее бабушки. Ее не покидало горькое предчувствие: в родной Янчжоу она больше никогда не вернется.

С самой минуты отплытия Дайюй, терзаемая тоской, не покидала своей каюты. Матушка Чжан и Матушка Лю видели угасающий взор своей любимицы, но не знали, как подступиться с утешениями. В домашних хлопотах им не было равных, но стоило речи зайти о делах мирских — они робели.

По счастью, на том же судне плыл Сыту Юй. Бесшабашный Сыту Цзинь, как водится, ничего не приметил, а вот его старший брат сразу почуял неладное. Едва выслушав доклад прислуги, он бесцеремонно схватил Сыту Цзиня за шиворот и потащил в каюту Дайюй — разгонять девичью грусть.

Увидев эту забавную картину, Дайюй, несмотря на всю свою печаль, не удержалась и прыснула со смеху.

Сыту Юй и сам прекрасно понимал, сколь нелепо они выглядят. Кое-как отодрав от себя вцепившегося младшего брата, он с мягкой улыбкой спросил:

— Слышал я, сестрица, что ты который день из каюты не выходишь. Уж не качка ли речная тому виной?

Взглянув на насупившегося Сыту Цзиня, Дайюй укрыла улыбку в складках шелкового рукава:

— Напрасно беспокоишься, брат Юй. Моему здоровью ничто не угрожает.

Сыту Цзинь сердито сопел, переводя взгляд на старшего брата, но тот упорно делал вид, что не замечает его обиды. Принцу пришлось уныло вздохнуть и повернуться к девочке:

— Сестрица, если тебе что-то понадобится или кто-то посмеет тебя обидеть — только скажи мне, я вмиг разберусь!

Не успела Дайюй открыть рот для ответа, как Сыту Цзинь вдруг звонко хлопнул себя по лбу:

— Ну конечно! Тебе просто не хочется ехать к этим Цзя, верно? Так давай не поедем! Я напишу матушке-императрице, попрошу ее забрать тебя к нам во дворец, и дело с концом!

У Сыту Юя от подобных речей невольно задергался глаз. Не выдержав, он отвесил непутевому брату легкий подзатыльник:

— Не болтай чепухи! — И, повернувшись к Дайюй, добавил: — Не слушай его, сестрица. Это ведь ненадолго, всего на пару месяцев. Твой отец и мой седьмой дядя вскоре тоже вернутся в столицу и заберут тебя к себе.

Дайюй лишь грустно улыбнулась в ответ:

— Хотелось бы верить...

— Не «хотелось бы», а непременно так и будет! — твердо произнес Сыту Юй. — Даже если твой

отец задержится, разве дядя Жуй допустит, чтобы ты томила в чужом доме?

На сей раз Дайюй улыбнулась по-настоящему тепло. И то правда — ведь с отцом остался дядя Жуй! Хотя она и была затворницей в девичьих покоях, но знала, какой грозной силой и влиянием обладает Великий князь. С таким защитником ее отцу ничто не грозило.

Увидев, что девочка повеселела, Сыту Юй предложил:

— Коль скоро на душе у тебя прояснилось, сестрица, незачем больше томиться в каюте. Мы плывем по Великому каналу, а ты до сих пор не видела здешних красот. Не подняться ли нам на палубу?

Избавившись от тяжких дум, Дайюй оживилась:

— Я много слышала о величественной красоте Великого канала. Но... пристойно ли девице показываться на открытой палубе?

— Отчего же непристойно? — затараторил Сыту Цзинь. — Служанки захватят шляпу с вуалью, и если вблизи покажется чужая лодка, ты просто набросишь ее на лицо. Сестрица, ты обязана это увидеть! Вода там сливается с самым небосводом — дух захватывает! — И он, не дожидаясь ответа, принялся громко звать слуг, раздавая указания на ходу.

Глядя на его суетливые прыжки, Сыту Юй поймал брата за воротник:

— Полно тебе бегать. Матушка Лю и без твоих подсказок все устроит в лучшем виде. Нечего под ногами путаться.

Обрадованные тем, что барышня наконец согласилась покинуть душную каюту, няньки мигом прибрали палубу. Дайюй под руку с Сыту Юем поднялась наверх. Судно мерно покачивалось на волнах, берега плавно уплывали назад, а впереди расстилалась бескрайняя бирюзовая гладь. Поистине чарующая картина южной природы наполнила душу Дайюй долгожданным умиротворением.

<http://bllate.org/book/18189/1759678>